

БОРИС КРИГЕР

**КРИТИКА
ПОЗНАНИЯ
И СОЗИДАНИЯ**

БОРИС КРИГЕР

КРИТИКА
ПОЗНАНИЯ
И СОЗИДАНИЯ

© 2024 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Критика познания и созидания

Книга представляет собой философское исследование процессов познания и созидания, которые автор рассматривает как взаимосвязанные и ограниченные субъективным восприятием, социальными и культурными нормами, а также ресурсными рамками. Автор подчеркивает, что всякое знание и творческая деятельность находятся под влиянием предрассудков, ложной интуиции, когнитивных искажений, и культурного контекста. Это приводит к неизбежной искажённости понимания реальности и ограничивает как рациональное осмысление мира, так и возможности творческого самовыражения.

КРИТИКА ПОЗНАНИЯ И СОЗИДАНИЯ

Человеческое познание, как неотъемлемая часть существования, всегда ограничено тесными рамками субъективного восприятия, которое само по себе не может быть полноценно свободным от искажений, порожденных несовершенством органов чувств, ведь они неизменно оставляют в восприятии мира ту неясность, через которую преломляется и теряет свою чистоту истина, если она вообще существует.

Всё, что человек называет знанием, все его убеждения и понимание реальности, лишь отражение того, что пройдя сквозь фильтры его собственного видения, становится не более чем искаженной копией действительного. Мир вокруг не может быть познан в полной мере, ведь сколько бы усилий человек ни прикладывал к раскрытию его загадок, эти усилия всегда будут вплетены в зыбкий поток его личных ощущений, а потому невозможно избежать того, что всё вокруг — лишь тень, мелькающая на стене платоновской пещеры, где свет истины остается недоступен, ибо глаза, смотрящие на этот свет, никогда не смогут его узреть в полной мере.

Рациональное мышление, в своем стремлении к ясности и логической стройности, неизбежно сталкивается с теми барьерами, которые возвышаются на его пути в виде ложной интуиции и предрассудков, глубоко укорененных в человеческой природе, так что, сколь бы острым ни был разум, он часто оказывается пленником этих таинственных сил, которые, не будучи доступны

для ясного осмысления, оказывают влияние столь сильное, что способны направить ход мыслей в сторону, противоположную той, к которой разум стремился с самого начала. Интуиция, это внутреннее чувство, неожиданно возникающее в глубинах сознания, как бы подсказывающая некое решение, кажется, служит мостом между тем, что не подвластно разумному объяснению, и тем, что воспринимается как очевидное, однако ее сила такова, что она затмевает холодное и ясное рассуждение.

Предрассудки же, закоренелые убеждения, переданные через поколения, прожившие в глубине души едва ли не с самого рождения, оказываются теми цепями, которые удерживают мышление в границах привычного и знакомого, не позволяя ему выйти за пределы установленных норм. И потому разум, желающий быть свободным, неизбежно снова и снова вынужден вести борьбу, в которой он, не найдя покоя, постоянно стремится отыскать ту линию, где пресловутая интуиция и предрассудки перестанут его затмевать, но каждый раз терпит поражение перед их сокровенной силой.

Статья под названием *The Fallibility of Human Knowledge: A Study of Intuition, Bias, and Rational Thought* ("Ошибочность человеческого знания: исследование интуиции, предвзятости и рационального мышления") была опубликована в *Global Science News*. В этой работе мы исследуем, как человеческие знания подвержены ошибкам из-за предвзятости и интуитивного мышления. Статья предлагает обсуждение рациональности и ограничений, с которыми сталкивается наш разум в процессе мышления и

принятия решений.¹

Созидательная деятельность человека, каким бы могучим ни было его вдохновение, всегда находится под неумолимым влиянием тех культурных, социальных и технологических условий, которые составляют ткань его эпохи, ибо ни один творец не может действовать в отрыве от своего времени, как бы он ни стремился подняться над ним. В каждом замысле, в каждой идее, что рождается в его сознании, неизменно присутствует след тех законов и обычаев, тех представлений, что господствуют в его окружении, ведь, будучи частью общества, человек впитывает его дух с самого начала своей жизни, как земля впитывает влагу после дождя. Каждое художественное или научное достижение, каждое новшество в сфере техники или культуры является не столько порождением одиночного гения, сколько отражением коллективного сознания, в котором сосредоточены и накопленные веками знания, и предрассудки, и взгляды, формирующиеся в самой гуще социальных процессов. Технологический прогресс, определяющий возможности и границы творчества, открывает новые горизонты или, напротив, сковывает руки создателя, так что его замыслы всегда тесно переплетаются с тем, что доступно в его время. И потому невозможно себе представить творца вне контекста его времени, так как всё, что он создает, представляет собой симбиоз его внутреннего мира с тем внешним, который, казалось бы, независим от его воли, но, в сущности, направляет её, как река направляет пловца, не давая ему

¹ Kriger, B. (2024). The fallibility of human knowledge: A study of intuition, bias, and rational thought. Global Science News.

отклониться от течения эпохи.²

Приглашаю вас ознакомиться с моей статьей под названием "The Epoch and Creator: The Role of Historical Context in Artistic and Intellectual Endeavors" («Эпоха и творец: роль исторического контекста в художественных и интеллектуальных творениях»). Статья опубликована в The Common Sense World. В ней исследуется влияние исторического контекста на развитие искусства и интеллектуальной деятельности, предлагая читателям взглянуть на этот вопрос в новой перспективе.

Знание по своей природе всегда стремится к истине, но никогда не достигает её в полной мере, оставаясь лишь тенью, отражением чего-то более совершенного. Оно подобно нити Ариадны, ведущей через лабиринт сомнений и предположений, где каждое открытие — это лишь новая ступень на пути к неуловимому. Даже самые точные формулы и расчёты, созданные для объяснения явлений природы, только лишь облегчают понимание её механики, но не открывают тайны до конца. В каждом известном законе или теории таится неизбежное признание того, что они носят характер временной модели, годной лишь до тех пор, пока не будет обретено новое, более глубокое понимание.³

Креативность ограничена предыдущим опытом и накопленным знанием, и человек редко создает что-то "из ничего". Человек, погружённый в образы прошлого и накопленные знания, редко способен вырваться за пределы собственной памяти, как птица не взлетит выше

² Kriger, B. (2024). The epoch and creator: The role of historical context in artistic and intellectual endeavors. The Common Sense World

³ Kriger, B. (2024). Beyond equations: How scientific laws simplify but don't fully explain nature. Global Science News.

того, что видела прежде. Всё новое — это лишь причудливая комбинация знакомого, перекроенная ткань воспоминаний и опыта, преобразованных через призму индивидуального восприятия. Даже самые дерзкие идеи, порой кажущиеся выходящими за грань возможного, всегда будут незримо связаны с тем, что уже было когда-то испытано или обдуманно, и лишь мастерство ума позволяет этому старому зазвучать свежими и неожиданными аккордами.

Восприятие истины и реальности искажено личными предпочтениями и когнитивными искажениями. Человек, смотрящий на истину, или скорее на то, что он считает таковой, никогда не видит её в первозданном виде, ибо на пути к ней неизбежно встают слои накопленного опыта, предвзятых суждений, страха и желаний. Когнитивные искажения, тихо и незаметно, как тени на закате, проскальзывают в процесс восприятия, превращая очевидное в загадочное, а простое — в сложное. В этом водовороте мыслей и эмоций объективная реальность отступает на задний план, уступая место личной интерпретации, где каждый нюанс окрашен в собственные цвета, и даже сама истина, подобно облаку на горизонте, теряет свои чёткие очертания, растворяясь в дымке человеческого сознания.

Созидание часто является лишь модификацией существующего, а не чистым изобретением нового, каковое если и случается, скорее принадлежит миру идеалов, чем реальности. В действительности же любой творческий акт — это хитроумное сочетание фрагментов прошлого, некая сложная алхимия, где старые элементы, облачённые в новые формы, начинают играть по-новому. Модификация — естественный путь, по

которому идёт развитие идей, будь то в искусстве, науке или технологиях. Как растение не может вырасти без семени, так и любая новая мысль имеет свои корни в старом, питаясь накопленным знанием, опытом и интуицией.

Современная наука претендует на объективность, но подвержена влиянию экономических и политических интересов.

Экономические силы, с их прагматичным подходом, зачастую диктуют, какие исследования будут финансироваться, а политические влияния могут, как вехи на дороге, задавать курс научным изысканиям, определяя, что будет изучаться, а что — замалчиваться. В этом сложном переплетении чистого знания и интересов власть имущих наука, хоть и продолжает искать истину, нередко вынуждена корректировать свои выводы, исходя из потребностей тех, кто держит ключи от её сокровищницы.

Зависимость научных учреждений от частного финансирования, особенно в таких сферах, как фармацевтика, энергетика и биотехнологии, вызывает тревогу относительно нейтральности научных результатов. Внимательный взгляд на клинические испытания, опубликованные в авторитетных изданиях, зачастую открывает явное влияние корпоративных спонсоров на структуру исследований и их выводы. Одно из таких исследований, представленных в журнале PLOS Medicine⁴, выявило, что эксперименты, финансируемые фармацевтическими компаниями, чаще завершались в пользу продукции спонсоров, нежели те,

⁴ Lundh, A., Sismondo, S., Lexchin, J., et al. (2017). Industry sponsorship and research outcome. PLOS Medicine, 14(1), e1002199.

что опирались на независимые источники. Подобное совпадение интересов порождает сомнения в непредвзятости научного процесса, когда возможная прибыль начинает оказывать влияние на исследования.

Наряду с этим коммерциализация результатов научных трудов, выраженная в патентах и собственных технологиях, постепенно ограничивает свободный обмен знаниями. Частные исследования всё чаще сопровождаются закрытостью данных и строгими ограничениями публикаций, что наблюдается в тех случаях, когда компании стремятся защитить свою интеллектуальную собственность. Такое положение дел способно привести к сужению круга научных интересов: приоритет получает то, что сулит финансовую выгоду, тогда как иные области науки, пусть и значимые для общества, но не столь прибыльные, остаются в стороне.

Политические интересы также играют немалую роль в определении приоритетов научных исследований, особенно тех, что поддерживаются государственными средствами. Правительства, управляя ресурсами через национальные исследовательские советы и программы финансирования, могут направлять внимание ученых на темы, соответствующие текущей политической повестке. К примеру, в годы холодной войны значительная часть исследований в США касалась обороны и космических технологий, что полностью отражало тогдашние геополитические интересы. Вопросы, связанные с изменением климата, также подвергались политическим манипуляциям, когда некоторые государства стремились поддерживать исследования, принижающие антропогенные факторы глобального потепления. Избирательная поддержка

одних научных данных в ущерб другим искажает общее понимание важных проблем, ослабляя роль науки как источника объективной истины.

Политическая цензура — явление не столь редкое, как может показаться. Она проявлялась в ситуациях, когда научные выводы не совпадали с интересами правительства. В 2004 году Union of Concerned Scientists *Союз обеспокоенных ученых*⁵ представил отчет, в котором говорилось о том, как политические назначенцы в американском правительстве изменяли или даже подавляли научные отчеты о рисках для здоровья и экологии, чтобы они лучше согласовывались с интересами промышленности. Такие действия не только подрывают доверие общества к научным институтам, но и вызывают серьёзные этические вопросы, связанные с целостностью государственной науки.

Влияние экономических и политических факторов распространяется и на процесс научных публикаций. Журналы, стремящиеся увеличить доходы от подписки, рекламы или оплаты за публикации, чаще отдают предпочтение сенсационным результатам или тем, которые демонстрируют положительные итоги, что создает значительное предвзятость. Этот феномен частично способствует возникновению так называемого «кризиса воспроизводимости», когда значительная часть опубликованных результатов не может быть повторена другими учеными. Исследование, опубликованное в

⁵ Union of Concerned Scientists. (2004). Scientific Integrity in Policymaking: An Investigation into the Bush Administration's Misuse of Science. Washington, D.C.: Union of Concerned Scientists.

Nature Human Behaviour⁶, показало, что только 39% из проверенных работ были воспроизводимы. Это явление ставит под сомнение строгость рецензирования и подрывает доверие к научным изданиям, вызывая сомнения в их объективности.

Несмотря на то что науку невозможно полностью оградить от внешнего влияния, некоторые реформы способны усилить её беспристрастность. Прозрачные модели финансирования, где источники средств открыто заявляются, могут помочь смягчить потенциальные конфликты интересов. Журнал *New England Journal of Medicine*⁷ ввёл строгие правила, требующие от авторов раскрывать все финансовые связи, которые могли бы повлиять на их исследования. Создание независимых органов, отвечающих за распределение средств, избавленных от влияния как государства, так и бизнеса, также могло бы уменьшить давление экономических и политических интересов. Некоторые страны, например Германия, уже начали применять подобные модели, предоставляя финансирование через независимые фонды, которые руководствуются научной значимостью проектов, а не их рыночной ценностью.

Распространение культуры открытой науки, где данные, методики и результаты исследований свободно доступны, также могло бы противодействовать предвзятости, вызванной внешними факторами. Рост числа журналов с открытым доступом и платформ, таких

⁶ Camerer, C. F., Dreber, A., Holzmeister, F., et al. (2018). Evaluating the replicability of social science experiments in Nature and Science between 2010 and 2015. *Nature Human Behaviour*, 2(9), 637–644.

⁷ Drazen, J. M., Van Der Weyden, M. B., Sahni, P., et al. (2010). Uniform format for disclosure of competing interests in ICMJE journals. *New England Journal of Medicine*, 363(13), 1269–1270.

как Open Science Framework, даёт надежду на большую прозрачность и более тесное сотрудничество между исследователями различных дисциплин, что, в свою очередь, способствует развитию независимой и объективной науки.

Приглашаю вас ознакомиться со статьей The Influence of Economic and Political Interests on the Objectivity of Modern Science (Влияние экономических и политических интересов на объективность современной науки), опубликованной в The Common Sense World. Мной исследуется, как экономические и политические факторы могут влиять на научные исследования, потенциально угрожая их объективности. Тема особенно актуальна в условиях современной глобальной экономики и политической напряженности.⁸

Познание, словно свет фонаря в густом тумане, всегда ограничено рамками времени и пространства, через которые человек смотрит на мир. В каждом мгновении восприятие заперто в узкие пределы конкретного контекста, словно художник, работающий с палитрой только тех цветов, что доступны ему в данную минуту. Человек может наблюдать и исследовать, но никогда не вырвется за пределы своего временного отрезка и места, в котором он пребывает. Все явления и истины, какие раскрываются перед взором, неизбежно окрашены особенностями эпохи и культуры, как если бы каждая грань реальности была лишь отражением большого, но отчасти ускользающего мира. Мы не можем увидеть всё одновременно, и каждый шаг на пути познания — это крошечное открытие, подвластное условиям и

⁸ Kriger, B. (2024). The influence of economic and political interests on the objectivity of modern science. The Common Sense World.

ограничениям, в которых оно совершается.

Пытаться постичь истину — всё равно что стремиться схватить дым голыми руками: чем крепче сжимаешь пальцы, тем быстрее она ускользает. И всё же мысль о том, что истина может быть недостижимой, порождает не только смятение, но и пробуждает неутомимый интерес. Человек веками искал её в словах философов, в толкованиях религиозных учений, в научных исследованиях, полагая, что за гранями явлений скрывается нечто единое, абсолютное. Но всякий раз, когда, казалось бы, приближались к осознанию чего-то истинного, появлялись новые вопросы и неопределённости. Истина, словно древний сфинкс, отвечает лишь новым загадкам на каждый смелый шаг к ней.

Возможно, ключ к пониманию не лежит в её окончательном достижении, но в процессе постоянного поиска. Истина становится не конечной целью, а тем мерцанием, которое указывает путь. И хотя каждый шаг по этому пути приводит к новым горизонтам, ощутить её полноту, как нечто завершённое, может оказаться невозможным. В этом бесконечном поиске заложена трагедия человеческой природы, однако и величие: познание мира не исчерпывается однозначными ответами. С течением времени меняются сами критерии истины, а то, что некогда казалось непреложным фактом, обретает статус мифа или ошибки.

Каждая эпоха предъявляет свои претензии на обладание истиной, но сколько бы усилий ни вкладывалось в её поиски, остаётся лишь множество интерпретаций, наложенных друг на друга. В этом смысле истина становится полифоничной, множественной. Однако она

не умирает в этом множестве, а скорее трансформируется, становясь отражением не только внешнего мира, но и внутренней природы того, кто её ищет. И когда, наконец, кажется, что вот-вот приблизится разгадка, возникает понимание, что сам поиск — это и есть тот единственный путь, на котором каждый приближается к своей истине, хотя она и остаётся вечно недостижимой.

Созидание подвержено ограничению ресурсов, доступных для его осуществления, что влияет на возможные результаты.

Ограниченность материалов, времени или знаний, словно узкий сосуд, сдерживает потенциал того, что могло бы быть создано. В каждом творческом или научном процессе всегда присутствует некая граница, диктуемая обстоятельствами, будь то нехватка средств, технологий или же просто отсутствие нужной информации. Даже самые гениальные замыслы вынуждены приспособливаться к условиям, в которых их воплощение становится возможным. Как корабль не может выйти в открытое море без прочных парусов и доброго ветра, так и любое творение будет зависеть от того, насколько ему хватит средств для реализации.

Человеческий разум склонен упрощать сложное, что приводит к созданию неверных или поверхностных моделей мира.

Сложность мира, его многослойность и бесконечное разнообразие явлений заставляют человека выстраивать модели, которые, подобно детским игрушкам, схематичны и удобны для понимания, но редко отражают подлинную глубину происходящего. Это стремление к упрощению — неотъемлемая черта

мышления, продиктованная потребностью находить порядок в хаосе, но одновременно с этим оно становится причиной того, что многие из этих моделей грешат неточностью, односторонностью и поверхностностью. То, что разум не способен охватить целиком, он раскладывает на удобные части, но в таком разбиении неизбежно теряется важное — сложные связи, тонкие нюансы, скрытые зависимости. Человеческое понимание мира становится напоминанием о том, что всё знание — лишь приближение к истине, которой никогда не суждено быть облечённой в простые и однозначные формы.

Познание часто является инструментом для обоснования власти и контроля, а не просто стремлением к истине.

Как оружие, отточенное умами, оно используется не для того, чтобы раскрыть глубинные тайны бытия, но чтобы подчинить, управлять, направлять волю масс. В истории неоднократно встречаются примеры того, как знание становилось средством оправдания политических решений или закрепления существующих социальных структур. Человеческая природа такова, что любое великое открытие или новая идея могут быть подчинены цели поддержания порядка или увеличения влияния. Наука и философия, изначально рожденные из желания постичь мир, часто служат этой утончённой, невидимой силе, которая, маскируясь под заботу о благе общества, стремится закрепить своё господство. В руках властных структур, познание становится ключом к созданию механизмов, позволяющих управлять поведением и убеждениями, тонко влияя на восприятие реальности.

Созидание сталкивается с противоречиями между личными интересами и общественным благом.

В каждом творческом акте скрыта внутренняя борьба — с одной стороны, создатель движим своими собственными желаниями, мечтами и амбициями, стремится выразить индивидуальное «я», а с другой стороны, оказывается под давлением ожиданий общества, которое требует, чтобы его усилия приносили общую пользу. Этот конфликт отражает извечную дилемму: насколько личная свобода и самовыражение могут и должны быть принесены в жертву ради того, что принято считать общественным благом. В погоне за своей собственной идеей творец может идти наперекор общепринятым нормам, вызывать неодобрение, но порой именно это внутреннее противоречие рождает самые яркие и значимые плоды созидания, выводя мир на новые горизонты, хотя путь к этому оказывается тернистым и часто непонятым.

Человеческий разум, подобно зеркалу, склонен отражать лишь то, что согласуется с уже существующими убеждениями, отбрасывая всё, что способно их поколебать. Люди неосознанно ищут подтверждения своим взглядам, создавая вокруг себя кокон из фактов, которые подтверждают привычные истины, и словно бы отталкивая те, что могли бы заставить их усомниться. Этот процесс — тонкий и почти неуловимый — позволяет поддерживать внутреннюю гармонию и избегать когнитивного диссонанса, когда реальность начинает расходиться с убеждениями. Проще игнорировать или интерпретировать неудобные факты, нежели подвергнуть сомнению всю систему взглядов, которая годами создавалась в уме. В результате, истина, сколь бы ярко она ни проявлялась, остаётся за гранью восприятия, заслонённая привычными шаблонами мышления, которые человек не спешит разрушать.

Большинство знаний, которыми люди оперируют в повседневной жизни, проистекает не из личных исследований или опытных наблюдений, но из веры в слова тех, кто признан авторитетом в той или иной области. Человек склонен полагаться на мнения учёных, философов, учителей, не имея возможности или времени проверять каждое утверждение на собственном опыте. Это доверие к авторитетам лежит в основе всей социальной структуры познания, где каждый полагается на результаты труда других, как на опоры, поддерживающие здание коллективного знания. Впрочем, эта зависимость от чужих исследований и выводов неизбежно оставляет пространство для возможных заблуждений, ведь даже самые уважаемые авторитеты могут ошибаться или быть подвержены влиянию внешних факторов. Человеческая склонность принимать на веру сказанное поддерживает целые системы знаний, но одновременно с этим она делает каждого зависимым от правильности или добросовестности тех, чьи выводы остаются непроверенными для большинства.

Статья под названием *The Reliance on Authority in Everyday Knowledge: A Critical Examination* («Полагание на авторитет в повседневных знаниях: критическое рассмотрение») была опубликована в *The Common Sense World*. В этом исследовании мной рассматривается, насколько люди полагаются на авторитетные источники при формировании своего повседневного понимания мира.

Созидание, в своём стремлении открыть новое и преобразовать существующее, всегда балансирует на острие между добром и злом, между созиданием и

разрушением. То, что рождается с мыслью о благе, порой оборачивается во вред, оказываясь в руках тех, кто видит в этом возможность для власти, контроля или уничтожения. Даже самые светлые идеи, будь то в науке, искусстве или технике, могут быть искажены до неузнаваемости и использованы для целей, далеких от первоначальных. Ярким примером служат многие научные открытия: атомная энергия, задуманная для мирных нужд, была превращена в оружие, способное уничтожить города. Так и любое великое творение всегда несёт в себе риск стать орудием разрушения, как если бы сама человеческая природа, с её противоречиями, незримо присутствовала в каждом акте созидания.

Познание мира всегда связано с ограниченностью человеческих чувств, которые служат посредниками между человеком и реальностью, но при этом часто оказываются ненадёжными проводниками. Глаза, уши, осязание — все эти органы восприятия, как призмы, сквозь которые человек видит и осознаёт окружающее, склонны к ошибкам и искажениям. Мгновение, когда чувства обманывают, бывает столь же незаметным, как порыв ветра, но его последствия глубоки: реальность, прошедшая через фильтр восприятия, становится лишь тенью того, что есть на самом деле. Человек принимает видимое за истину, хотя это видение — лишь фрагмент, часто искажённый, преломлённый ограниченностью чувств. Даже самая очевидная, казалось бы, картина мира, основанная на ощущениях, не свободна от иллюзий, и это делает познание уязвимым, подверженным ошибкам, где истина остаётся на расстоянии, скрытая за завесой чувственных искажений.

Созидательные усилия могут тормозиться культурными нормами и консервативными взглядами общества.

Эти нормы, сформированные веками, служат своего рода защитным барьером, охраняющим порядок, но в то же время они способны душить новое, мешая рождению свежих идей. Человек, стремящийся к творческому самовыражению, неизбежно оказывается в противостоянии с этими установками, которые словно невидимые стены ограничивают свободу мысли и действия. Консервативные взгляды общества зачастую с недоверием или враждебностью относятся ко всему, что нарушает привычные рамки, и любое отклонение от общего стандарта воспринимается как угроза стабильности. Под их давлением создателю приходится искать компромисс или вовсе отказываться от своих замыслов, рискуя тем самым потерять собственный голос. Однако именно в этом сопротивлении порой зарождаются самые смелые прорывы, когда искусство, наука или философия находят способы преодолеть эти границы, открывая новые горизонты для культуры, которая изначально была настроена против перемен.

Познание всегда частично и никогда не охватывает всей картины реальности. Каждый шаг на пути к истине открывает новые грани, но в то же время обнажает непознанное, словно в процессе изучения одной тайны неизбежно рождаются ещё десятки других. Человеческий разум, ограниченный временем, пространством и собственными возможностями, никогда не способен увидеть полную картину происходящего, какими бы продвинутыми ни были средства познания. Мир предстает перед глазами как мозаика, в которой всегда не хватает нескольких

ключевых деталей, что делает любое открытие лишь частичным отражением реальности. Чем больше человек узнаёт, тем острее осознаёт, насколько его знание неполно. Как будто сама природа мира устроена таким образом, чтобы никогда не дать в руки всей полноты истины, лишь намекая на её присутствие где-то за горизонтом человеческого восприятия.

Созидание, которое, казалось бы, рождается из внутреннего порыва и творческого стремления, часто оказывается в действительности навязанным человеку экономическими условиями, диктующими свои правила игры. В мире, где материальные интересы занимают центральное место, творческий процесс нередко направляется не свободой мысли, а необходимостью выживания, поиска заработка или следования за спросом рынка. Художник, учёный, инженер — все они могут оказаться в положении, когда их усилия направляются не в русло личных идей или мечтаний, а в сторону удовлетворения внешних требований, продиктованных экономическими обстоятельствами. Созидание превращается в товар, а творец — в исполнителя заказа, где внутренние порывы отодвигаются на второй план, уступая место коммерческой целесообразности. Это не означает, что искусство или наука лишаются своей силы, но под этим давлением их направление меняется, и сам процесс творения перестаёт быть чистым выражением свободы, становясь инструментом для выполнения экономических задач и решений.

Человеческое познание подвергается постоянным изменениям, что делает знание нестабильным.

Всё, что когда-то казалось незыблемым знанием, со временем подвергается пересмотру, уточнению или

даже полному опровержению. В любой эпохе можно найти примеры того, как прежние истины, которые считались неоспоримыми, со временем теряли свою актуальность и сменялись новыми взглядами, что делает само знание нестабильным и подвижным. Каждое новое открытие бросает вызов устоявшимся теориям, и каждый шаг вперёд в познании влечёт за собой пересмотр того, что казалось уже твёрдо установленным. Таким образом, знание всегда пребывает в состоянии некоего временного равновесия, которое рано или поздно будет нарушено новыми открытиями и достижениями. Этот процесс отражает не слабость человеческого ума, а его гибкость, способность меняться вместе с изменяющимся миром, оставляя за собой неизбежное осознание того, что в любой момент текущая картина реальности может оказаться лишь очередной ступенью на пути к истине, которая остаётся недостижимой в своей абсолютной форме.

Созидание, в его величайших проявлениях, нередко оказывается сосредоточенным в руках немногих, кого принято считать "талантливыми", в то время как огромный потенциал большинства остаётся скрытым, неразвитым и зачастую невостребованным. Общество, по традиции, склонно выделять отдельных людей, наделённых исключительными способностями или находящихся в благоприятных условиях, и именно их усилия и открытия становятся видимыми и признанными. Однако это положение дел не столько отражает истинное распределение талантов, сколько свидетельствует о том, как ограничены возможности для реализации у подавляющего числа людей. Социальные, экономические и культурные барьеры часто мешают раскрытию потенциала, и творческая энергия, которая

могла бы преобразовать мир, остаётся подавленной или вовсе неосознанной.

В реальности множество людей обладает способностями и идеями, которые могли бы изменить ход событий, но их созидательные усилия оказываются заблокированными требованиями повседневности, недостатком ресурсов или отсутствием доступа к образованию. Как будто само общество устроено таким образом, чтобы возводить барьеры на пути к раскрытию способностей у многих, концентрируя своё внимание и поддержку на малом числе тех, кого оно заранее причисляет к избранным.

Статья под названием The Myth of the “Chosen Few”: Unlocking Human Potential (рус. «Миф о "избранных": Раскрытие человеческого потенциала»), опубликованная в The Common Sense World, рассматривает заблуждение о том, что только немногие избранные обладают особыми способностями, и аргументирует, что каждый человек имеет огромный потенциал, который можно раскрыть при правильных условиях. Рекомендую прочесть эту статью, чтобы углубиться в вопрос возможностей человеческого развития и понять, как можно преодолевать социальные барьеры для достижения успеха.⁹

Познание подвергается социальным предрассудкам, что затрудняет восприятие некоторых важных истин.

Познание неизбежно оказывается под влиянием социальных предрассудков, которые, словно густая пелена, затуманивают восприятие многих важных истин.

⁹ Kriger, B. (2024). The myth of the “chosen few”: Unlocking human potential. The Common Sense World.

Эти предрассудки, укоренённые в культуре, истории и традициях, формируют коллективное сознание, создавая определённые рамки, за пределы которых человек редко выходит. Социальные установки накладывают ограничения на то, что считается "достойным" познания, и часто приводят к игнорированию тех фактов и идей, которые противоречат общепринятым нормам. Подобно невидимой руке, они направляют внимание к привычному и безопасному, а то, что выходит за рамки дозволенного, остаётся в тени, несмотря на свою потенциальную ценность.

История полна примеров того, как определённые идеи отвергались только потому, что они не вписывались в существующие социальные или религиозные догмы. Научные теории, философские концепции, культурные открытия — всё это часто встречает сопротивление не потому, что они ошибочны, а потому, что они разрушают привычные модели мышления. Эти предрассудки, будучи невидимыми для большинства, действуют как фильтр, через который проходит знание, искажая или полностью исключая из рассмотрения те истины, которые могли бы изменить мир, если бы не были так прочно завуалированы общественными ограничениями.

Созидание по своей природе нередко содержит в себе элементы разрушения, поскольку каждый новый шаг на пути творения требует отказа от прежних форм, идей или структур. Это процесс, в котором старое, словно осенние листья, опадает, уступая место новому ростку, рождённому из его тени. Любое великое открытие, любая революционная идея требует не только созидания, но и уничтожения тех устоев, что до этого казались незыблемыми. В науке, искусстве или общественной

жизни появление нового часто сопровождается крахом прежних представлений, которые теряют свою силу и актуальность, как только возникает нечто более мощное, отвечающее вызовам времени.

Творец, осознавая это, всегда действует на грани — он не только создаёт, но и разрушает. Идеи прошлого, пусть даже и некогда считавшиеся вершиной человеческой мысли, должны уступить дорогу свежим концепциям, которые, в свою очередь, рано или поздно также будут сметены новыми волнами созидательной энергии. Этот диалектический процесс неотделим от прогресса: разрушение старого является необходимым условием для появления чего-то по-настоящему значимого. Как огонь, сжигающий лес, даёт жизнь новым росткам, так и творческое усилие обретает свою полную силу лишь тогда, когда оно сметает преграды прошлого, открывая путь грядущему.

Человеческое созидание, несмотря на свою возвышенную цель создания чего-то нового и значимого, часто оказывается подвержено влиянию эгоистических стремлений и личных амбиций. В основе многих творческих актов лежит не только чистое стремление к самовыражению или улучшению мира, но и желание возвыситься, утвердить себя, оставить след, который бы подтвердил значимость создателя. Личная слава, признание, стремление к превосходству над другими — эти мотивы нередко становятся движущей силой для многих великих достижений, хотя сами по себе они могут нести как созидательную, так и разрушительную силу.

Эгоистические устремления могут обогатить процесс созидания, наделяя его мощной энергией и страстью, но

в то же время они способны затемнить истинную цель творения. Под их влиянием создатель может отступить от своих первоначальных идеалов, подменяя глубокое содержание поверхностной погоней за признанием или успехом. Личные амбиции, не всегда осознаваемые, ведут к тому, что даже великие открытия или произведения искусства порой несут в себе отпечаток тщеславия, служат удовлетворению личных потребностей, а не чисто общественным или духовным задачам.

Эта двойственность делает процесс созидания ещё более сложным и многослойным: каждая великая идея или произведение содержит в себе как проявление чистого вдохновения, так и тень эго, которая стремится утвердить свою власть через творение.

Познание и созидание, являясь двумя сторонами одного процесса, неразрывно связаны между собой: познание питает созидание, а созидание открывает новые пути для дальнейшего познания. Однако, несмотря на эту взаимозависимость, оба процесса неизбежно сталкиваются с ограничениями человеческого сознания и недостатком ресурсов, что сковывает их потенциал. Человеческий разум, каким бы мощным он ни был, не способен охватить всю полноту истины и возможности, которые заключены в мире. Каждый шаг познания — это открытие, сделанное в рамках узкого горизонта, ограниченного временем, культурными предрассудками и уровнем доступных знаний.

Созидание, в свою очередь, хотя и вдохновляется тем, что было познано, сталкивается с барьерами, порождёнными как внутренними границами сознания, так и внешними ограничениями. Недостаток

материальных, технологических или интеллектуальных ресурсов может тормозить самые смелые идеи, не давая им раскрыться в полной мере. Это взаимодействие между познанием и созиданием напоминает вечную борьбу за выход за пределы, где каждое новое открытие и создание влечёт за собой осознание новых преград. Человеческое сознание, по своей природе ограниченное, вынуждено постоянно находить компромисс между желанием постичь и невозможностью достичь абсолютной полноты, а созидание, зависимое от этого процесса, стремится реализовать большее, чем может себе позволить в условиях доступной реальности.

Эта ограниченность не только сдерживает, но и придаёт процессам познания и созидания особую глубину: именно в преодолении этих барьеров рождаются подлинные открытия и уникальные творения.

Лишь осознанное удивление, которое проникает в суть явления, имеет возможность стать основой для дальнейшего интеллектуального поиска, однако это требует усилий. Именно это удивление становится системообразующим элементом личности, когда человек, сквозь призму своей мысли, начинает осмысливать, анализировать и синтезировать увиденное, что требует долгих лет работы над собой, глубокого развития способностей и неустанной деятельности мысли, направленной на проникновение в скрытые связи явлений. Именно здесь раскрывается природа осознанного интереса, который уже не является случайным порывом, но выстраивается в стройную систему, через которую личность познаёт мир.

Многие, впрочем, не достигают этого уровня осознанности. Для них удивление остаётся чем-то

случайным, мимолётным, не закрепляющимся в сознании и не ведущим к дальнейшему анализу. Они живут в мире явлений, не задумываясь о сущности, не стремясь разобраться в причинах и следствиях того, что происходит вокруг. Их жизнь проходит в череде случайных впечатлений, где удивление — лишь одна из многих эмоций, которой не придают особого значения.

Вместе с тем, системное удивление – или то, что можно назвать в полном смысле слова любознательностью – отличает личность высокого порядка интеллектуального развития от посредственности. Любознательность есть уже форма жизнедеятельности, основанная на таком удивлении, в котором заложены такие категории, как наблюдательность и экспериментирование, - при устойчивом сохранении и поощрении последовательности в отношении ко всему, что привлекает к себе внимание.

Любознательность в особых культурных средах может развиваться также и в форму мировоззрения. При этом, в любом случае, она является необходимым элементом тех мировоззренческих структур, которые поощряют развитие в человеке личности. Если же культурная среда основана на противоположных позициях, любознательность будет не поощряться средой, а подавляться ею. И в данном случае, истинная направленность среды всегда проявит себя через устойчивую и долгосрочную, постоянно воспроизводящуюся негативную реакцию на каждую отдельно взятую модель реализации любознательности в человеческом поведении. В этом смысле характерным для многих современных культурных сред является внешнее поощрение любознательности, поскольку

доминантным трендом декларируется ее стимуляция, - на деле же очевидными становятся препятствия и ограничения для ее проявлений там и тогда, где любознательная личность упирается в реальность целого ряда противоречащих тренду, но искусно завуалированных клише.

Человеческая личность, развивающаяся на основе осознанного приятия удивления и любознательности, естественно проявляет себя в самых разных направлениях в качестве активного творческого субъекта. В современных условиях, когда свобода воли и выбора достигает и перешагивает границы возможного не только теоретически, но и практически, активность естественная незаметно превращается в искусственно стимулируемую с одной стороны, и провоцируемую внешними факторами с другой, гиперактивности. Личность таким образом как бы поощряется к достижению максимума возможного в условиях когда пределы возможностей постоянно сдвигаются и расширяются. Это та культурная среда, в которой происходит современных большой эксперимент в режиме реального времени по исследованию скрытых потенциалов человеческой природы и их пробуждению.

Однако и здесь, если присмотреться, мы видим скрытые ограничения одних сфер реализации при видимом поощрении других (например, художественного творчества и технической инновативности). Мотивация в таких условиях становится полем для невидимой конкуренции, даже идеологического противостояния, нередко с печальным итогом. Мотивационные инновации наверное становятся в современном обществе постоянным фоном матричного характера. Они так же

вырабатываются, пробуются и осуществляются, как и прочие, причем мотивация все более дегуманизируется под видом обратного, ибо доминирующим фоном современных культурных сред, общим для всех них, является техногенность. Она, в свою очередь, нацелена на актуализированные потребности, которые стремятся к самобытию и самоудовлетворению, при минимальных «рисках» взаимодействия с противоречиями человеческой природы.

Человеческое познание в современную эпоху, при наибольшем достигнутом потенциале возможностей, тяготеет к минимальной эффективности. Человек современного типа стремится к ограничению собственной природной любознательности. Он разучился удивляться, как раньше. Все потому, что суммарная масса постоянного воздействия «нового» давно уже вышла из-под контроля не только разума, но даже эмоций. Начинают срабатывать механизмы сохранения энергии, заложенные в той же самой человеческой природе, которая ранее активировала потенциал любознательности и удивления.

Человеческое сознание, являясь неотъемлемой частью сложной системы восприятия и анализа, по своей сути представляет собой несовершенный инструмент для взаимодействия с окружающим миром. Мы, будучи невольными творцами своей реальности, создаём образы, которые часто далеки от истинного положения вещей. Наше мышление громоздко, неуклюже и зачастую подвержено искажению, что делает любое осмысление реальности процессом, сопряжённым с постоянными противоречиями. Ведь каждое впечатление, поступающее извне, преломляется через

призму субъективного опыта, а потому любое наше осознание реальности изначально носит отпечаток этого внутреннего творческого акта. И именно здесь коренится необходимость философии.

Философия, как размышление над противоречиями бытия, рождается из осознания того, что мир, каким его представляет сознание, никогда не совпадает с миром, каким он является на самом деле. В идеальном мире, лишённом несогласованностей, нужда в философии действительно отпала бы, ибо не существовало бы тех самых внутренних противоречий, которые она стремится объяснить. Но в нашем мире, полном неоднозначностей и неопределённостей, философия неизбежно вырастает из попыток осмыслить эти расхождения между тем, что воспринимается, и тем, что есть.

Наше сознание, как инструмент познания, неизбежно ограничено рамками восприятия. Мы обречены на то, чтобы строить свою картину мира на основе неполных, а порой и ошибочных данных. Эта система настолько сложна и странна, что порой кажется почти нелепой, когда рассматриваешь её в свете задачи, возложенной на человека — успешное выживание и ориентация в реальности. Как агенты сознательного бытия, мы входим в этот мир, имея в своём распоряжении механизмы, которые вовсе не гарантируют нам ни точного восприятия, ни ясного понимания происходящего.

Наши размышления о том, как работает этот процесс, невольно приводят к выводу, что, возможно, сама наша мыслительная деятельность, наше стремление анализировать и осмысливать окружающее — это лишь попытка упорядочить хаос, в котором мы существуем.

В размышлениях о природе познания и его роли в человеческой жизни возникает вопрос, имеет ли философская мысль практическую ценность. И действительно, в рамках повседневного существования, которое опирается на конкретные, ощутимые действия и результаты, философия кажется чем-то оторванным, непрактичным. Но это лишь на первый взгляд, когда внимание направлено исключительно на непосредственную пользу, которую может принести конкретная деятельность. Философия, будучи областью размышлений, не стремится к тому, чтобы давать мгновенные, осязаемые результаты, её цель иная — исследовать основы бытия, выявлять причины и следствия, которые определяют наши взгляды на мир.

Если рассматривать вопрос с точки зрения различных источников происхождения человека, будь то религиозная или биологическая концепция, то каждый из этих подходов предлагает свою картину мира, свою логику существования и смысл бытия. Религиозное воззрение создаёт одну цепочку причинно-следственных связей, где человек является творением высшего существа, а его действия и мысли осмысливаются через призму божественного замысла. Биологическая концепция, напротив, предполагает детерминизм, где свобода мыслительного процесса сводится к минимуму, поскольку всё, включая мысль, является результатом эволюции, естественного отбора, обусловленных физиологических процессов.

Однако истинное познание, особенно когда оно становится актом творческого созидания, стремится вырваться из любой предопределённости. Мысль, которая рождается спонтанно, без очевидной причины,

не является частью механизма, она существует как нечто самоценное. В этом акте и проявляется свобода — подлинная, не обусловленная ни религиозными догмами, ни научными концепциями. Созидание мысли становится тем моментом, когда человек отказывается от цепочки детерминизма, в каком бы виде она ни была предложена, и выбирает путь осмысленного, независимого существования.

Здесь интересно отметить, что в процессе этого акта мысль теряет связь со своим источником. Независимо от того, принимает ли человек религиозную концепцию или опирается на научное объяснение происхождения жизни, сам факт осознания своей мысли как свободного, независимого явления выводит её за пределы этих рамок. Это осознание, будучи актом творения, действительно становится моментом, в котором источник познания теряет своё значение, а сама мысль приобретает свою самостоятельную ценность. Именно здесь начинается то, что можно назвать настоящим познанием, свободным от предопределённости и открытым к новым истинам.

Такое понимание познания даёт основания утверждать, что истинная мысль не обязательно должна быть порождена чем-то конкретным. Она может возникнуть на пересечении различных концепций или вообще в стороне от них, и в этом её ценность. Свобода мысли, её способность к созиданию лежит за пределами причинно-следственной цепи, и именно этот момент делает её подлинным актом познания, в котором происходит не только осмысление мира, но и его переосмысление.

Размышляя о том, как возникают подлинные мысли, нельзя не согласиться с утверждением, что они не подчиняются простой воле человека. Мысль — это не

результат усилия желания, но плод напряжённого состояния сознания, которое само по себе не всегда гарантирует появление мысли, но может создать необходимые для неё условия. Здесь напрашивается аналогия с чувством, которое также не может быть вызвано по приказу, как отметил Мераб Мамардашвили в своих рассуждениях о любви. Человек не способен захотеть влюбиться — это чувство рождается независимо от его воли, в ответ на сложившиеся обстоятельства, которые, в свою очередь, невозможно контролировать. Точно так же и мысль: для её появления требуются особые обстоятельства, возможно, даже своего рода событие, которое создаст подходящую атмосферу.

Подлинная мысль, в отличие от обыденного потока сознания, требует определённого рода напряжения. Это напряжение возникает между системами, между идеями, которые не находят лёгкого согласия друг с другом. Здесь уместно сказать, что противоречие становится двигателем, который запускает мыслительный процесс. Но это не просто логическое противоречие, это именно внутреннее, экзистенциальное напряжение между значимыми концепциями, мировоззрениями, которые не могут быть примирены без того, чтобы породить нечто новое. Чем более острым и напряжённым будет это внутреннее противоборство, тем больше вероятность того, что родится свежая мысль — или не родится вовсе, поскольку ни одно напряжение не гарантирует результата. В этом кроется некоторая тайна творческого акта.

Создание условий для появления мысли, как и в случае лабораторного эксперимента, не сводится к простому

набору инструментов. Наука и творчество в этом смысле сходны: в обоих случаях можно создать условия, но результат остаётся неопределённым. Научный эксперимент, как правило, проводится в строго контролируемых условиях, где каждое действие подчинено чётким законам, и в этом — его отличие от творческого процесса, который всегда оставляет место для неожиданного. Однако в основе научного эксперимента, как и в основе созидательной мысли, лежит потребность в исследовании, в стремлении понять, раздвинуть границы знания.

Когда ставится научный эксперимент, в него тоже вкладывается определённое напряжение, ведь каждый учёный, начиная исследование, сталкивается с неизвестностью, с чем-то, что не может быть предсказано заранее. Даже если все параметры учтены, а методы проверены, в конечном итоге результат может оказаться неожиданным. Это и есть та самая зона, где мысль, как и эксперимент, сталкивается с напряжением двух систем — известных и неизвестных, научных фактов и гипотез. В творческом акте это напряжение порождается столкновением идей, которые, возможно, никогда не будут примирены, но именно это состояние несогласия даёт почву для рождения новой мысли.

Однако ни одно напряжение не гарантирует успеха. Мысль может не родиться, как и эксперимент может закончиться провалом. И всё же сам процесс, само стремление создать условия для этого рождения, становится ключевым. Творчество и научное исследование в этом смысле схожи: они оба опираются на возможность, на надежду, что в результате столкновения идей или данных родится что-то новое, что

приведёт к пониманию или открытию, которое было скрыто за пределами обычного сознания.

В размышлениях о процессе познания и созидания ясно, что они представляют собой неразрывно связанные явления, в которых одно перетекает в другое, но не всегда по заранее определённым пути. Философия Александра Пятигорского, о которой упоминается, демонстрирует именно эту динамику. Пятигорский, оставивший своё философское наследие в виде тезисов, подчёркивает важность освобождения человека от внешних оценок и стандартов, которыми его окружают. Он обращает внимание на то, что мыслящий человек должен взращивать в себе пренебрежение как к похвале, так и к осуждению со стороны общества, поскольку любое мнение о его образе жизни и мыслях остаётся поверхностным. По сути, оно не затрагивает внутреннюю суть его сознания, которое, работая в режиме постоянного самопознания, должно двигаться независимо от этих оценок. Эта мысль близка к тому, что и в научном познании, и в познании самого себя, человек сталкивается с необходимостью распознавать и преодолевать помехи, осознавая, что избежать их полностью невозможно. Но это осознание не должно разрушать стремление к познанию, скорее, оно должно служить стимулом для дальнейшего движения вперёд.

В этой идее содержится глубокое понимание того, что познание — это не просто процесс накопления знаний, но и постоянная борьба с препятствиями, которые неизбежно встают на пути. В научном познании эти препятствия могут проявляться в виде технических ограничений, неполноты данных или неверных интерпретаций фактов. В самопознании — в виде

социальных ожиданий, предрассудков, ложных представлений о себе. И, тем не менее, и там, и здесь человек стремится к тому, чтобы избавиться от этих помех, понимая, что они лишь частично устранимы.

Интересно, что советский и британский философ Александр Пятигорский называет образ жизни мыслящего человека «меняющимся обличем актёра или шута», тем самым подчёркивая иллюзорность и временность любого социального статуса. Это сравнение перекликается с представлением о том, что, в конце концов, всё, что окружает человека во внешнем мире, не имеет непосредственного значения для его внутренней работы мысли. Сознание должно быть занято не тем, как воспринимается личность в обществе, но тем, как оно само осмысляет своё существование и свои идеи.

Процесс созидания, исходящий из познания, также неизбежен, но не всегда предсказуем. Мыслящий человек, как и учёный в лаборатории, создаёт условия для появления новой мысли или открытия, но не может гарантировать результат. Здесь снова проявляется метафора напряжения, о которой уже шла речь ранее: мысль рождается в столкновении противоположных систем или концепций, и чем сильнее это напряжение, тем больше шансов, что из него родится что-то новое. Но это может не случиться вовсе, так как природа познания и созидания не подчиняется строгим законам причинности.

Отсюда проистекает и другая мысль — о неизбежности познания как базовой функции человеческого сознания. Даже если принять чисто физиологическое объяснение работы мозга, в котором познание сводится к активности нейронных сетей, нельзя не признать, что эта

деятельность отражает глубинные процессы. Узоры, которые образуются в мозге в процессе мышления, не просто отображают наши мысли, они являются своего рода материальным выражением того самого феномена познания, о котором так часто говорят философы. Эти узоры становятся метафорой для понимания того, что вся наша деятельность, будь то научная, творческая или повседневная, в конечном счёте сводится к актам познания, в которых сознание пытается осмыслить себя и окружающий мир.

Там где нет противоречий – философия не нужна. Противоречия, как мощная движущая сила созидания, становятся основой философского мышления. Их существование не просто неизбежно — оно необходимо для рождения новой мысли. Там, где мир оказывается сложным, где реальность не укладывается в простые схемы, философия обретает своё значение. На первый взгляд, она может казаться чем-то далёким от практики, однако именно в тех моментах, когда привычное мышление сталкивается с неразрешимыми вопросами, начинается процесс философского осмысления. Этот процесс не приводит к быстрым, осязаемым результатам, но он проникновенно исследует саму суть существования, выявляя внутренние противоречия, которые лежат в основе бытия.

Создание философской концепции всегда начинается с пустоты, с чистого листа, на котором постепенно возникает каркас рассуждений. Этот каркас строится на напряжении, вызванном столкновением разных идей, которые могут казаться противоречивыми. Но именно это столкновение, это напряжение становится двигателем, который приводит к появлению новых идей.

Противоречия здесь не разрушают, а порождают новые смыслы, подталкивая к более глубокому пониманию проблем, которые на первый взгляд могут казаться непримиримыми.

Такое противоречие можно наблюдать в мысли о практической и непрактической природе философии. С одной стороны, утверждается, что философия не преследует конкретных практических целей. Она не предлагает решений для повседневных задач и не даёт ответов, которые можно применить немедленно. Однако, с другой стороны, она играет огромную роль в осмыслении реальности, в формировании мировоззрения, что в конечном итоге оказывает огромное влияние на практическую жизнь. Противоречие здесь разрешается тем, что философия служит не для решения сиюминутных вопросов, а для формирования более глубинного понимания, которое в конечном счёте влияет на все аспекты существования.

Философия, в своём стремлении осмыслить мир, рождается в борьбе с противоречиями и благодаря им. Её задача не в том, чтобы устранять их, а в том, чтобы научиться видеть в них основу для движения мысли. Этот процесс — своего рода созидание, в котором новые идеи возникают не из желания разрешить все вопросы, а из стремления углубить понимание реальности, принять её сложность. Противоречия здесь выступают не разрушительной силой, а теми самыми точками напряжения, в которых скрыт потенциал для появления нового знания. Таким образом, созидание всегда идёт через противоречие, которое, несмотря на свою природу, оказывается двигателем мышления и источником творческого процесса.

Самопознание, несмотря на кажущуюся доступность, оказывается гораздо более сложным и утопичным, чем это может показаться на первый взгляд. Призыв "познай самого себя" напоминает иллюзию, поскольку процесс воссоздания образов в сознании подвержен тем же ошибкам, что и любое другое познание. Даже когда разум пытается исследовать самого себя, он сталкивается с теми же проблемами, что и при изучении внешнего мира — искажения, ограниченность восприятия, предвзятость опыта. Этот процесс несовершенен по своей природе, и попытка достичь "чистого созидания" неизбежно связана с тем, что познание всегда основывается на каком-то источнике, будь то внешний мир или внутреннее состояние.

Пример Иммануила Канта показывает, что даже великие мыслители, черпавшие свои идеи из глубин собственного разума, строили философские концепции, которые, несмотря на их внутреннюю логику, могли не совпадать с объективной реальностью. Кант, полагаясь на собственный опыт и исследуя внутренние процессы разума, предложил такие идеи, которые нашли отклик у других, но это вовсе не означает, что он не мог заблуждаться. Как и человек, наблюдающий закат на берегу моря, может ошибочно полагать, что солнце действительно "тонет" в волнах, так и мы, размышляя о природе разума, можем приходить к выводам, которые в конечном итоге оказываются лишь иллюзией, коллективным заблуждением.

Здесь возникает вопрос: можно ли вообще достичь истинного познания? Объективность, основанная на сложении различных точек зрения, может быть не более чем согласованным заблуждением, принятым за истину.

И в этом смысле сам процесс познания, как процесс созидания, всегда будет подвержен искажениям. Как было верно подмечено, философия, особенно в подходах эмпиризма и рационализма, работает с направлениями, которые изначально заданы самим исследователем. Но это направление, или целеполагание, само по себе несёт в себе искажение, ибо любая цель накладывает свои ограничения на ход мысли.

Важнейшая роль целеполагания в философском мышлении также вызывает сомнения относительно того, насколько оно влияет на сам процесс созидания. Цель, которая ставится перед исследованием, предопределяет направление мысли и может ограничивать её развитие. Подобно кораблю, который плывёт, имея конечный пункт назначения, философская мысль всегда направлена к какой-то цели, и её движение может быть ограничено рамками этой цели. Без цели процесс познания может показаться бессмысленным, но с другой стороны, цель сама по себе может стать причиной заблуждений и неверных выводов. В этом заключается одно из главных противоречий: мысль требует направления, но направление может исказить её свободу.

Вопрос о том, почему сознание устроено так несовершенно, остаётся открытым. Независимо от того, рассматривается ли происхождение человека с позиции эволюции или религиозной концепции, все приходят к одному выводу: человеческое мышление полно недостатков и неудобств. Мы можем рационализировать эти недостатки, утверждая, что они служат источником для философских поисков, что противоречия развивают мысль, но в конце концов, остаётся ощущение, что эта рационализация лишь маскирует проблему, не решая её.

Наша способность к познанию, как и сознание в целом, напоминает ту самую старую Нокию, которая, хотя и надёжна, не может конкурировать с современными технологиями. В этом смысле наша рационализация — это попытка оправдать свои ограничения, скрывая за ними истинное несовершенство. Но, несмотря на все осознанные недостатки, стремление к познанию не должно останавливаться. Возможно, сам факт того, что мы осознаём свои ограничения, является признаком того, что процесс познания, как бы несовершенен он ни был, всё же движется вперёд. И в этом движении, в самом акте попытки осмыслить своё существование, заключена его подлинная ценность.